

На правах рукописи

ЛАЗАРЕВ Алексей Александрович

**ПАЛОМНИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
Б.К. ЗАЙЦЕВА
ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор *Жаравина Лариса Владимировна*.

Официальные оппоненты: *Смирнова Альфия Исламовна*, доктор филологических наук, профессор (ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», заведующий кафедрой русской литературы);

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет», доцент кафедры русского языка).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» (г. Москва).

Защита состоится 17 марта 2022 г. в 12:30 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 31 января 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество крупнейшего писателя русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева, несмотря на его активное вхождение в отечественную культуру лишь в постсоветский период, вряд ли справедливо считать малоизученным. К 1990-м гг. в работах по истории литературы русской эмиграции был преодолен доминировавший ранее обзорно-негативный (в лучшем случае нейтральный) подход к Зайцеву-эмигранту. В трудах В.В. Агеносова, Л.И. Бронской, О.Н. Михайлова, А.Г. Соколова, в учебном пособии под ред. А.И. Смирновой и др. анализу зайцевских произведений посвящены отдельные разделы и главы. Исследователей привлекали и привлекают личность писателя, перипетии жизненной судьбы, своеобразие творческой индивидуальности, жанровое разнообразие и, конечно, в первую очередь художественное творчество, объединившее эстетику и поэтику классической традиции от А.С. Пушкина до А.П. Чехова с достижениями Серебряного века.

На сегодняшний день к основным проблемам, на которые обращено внимание отечественных и зарубежных специалистов, можно отнести: проблему соотношения дореволюционного и эмигрантского периодов в творческой эволюции писателя; развитие традиций классического реализма в контексте модернистских тенденций первых десятилетий XX в.; проблему художественного метода (*реализм, импрессионизм, неореализм, духовный реализм*); вопросы организации художественного текста, в числе которых систематизирующая роль мотивно-образных комплексов, роль автора в повествовании, композиционно-сюжетные особенности, синтез эпической наррации и лирической суггестивности, взаимодействие собственно художественного слова с публицистической и литературой нон-фикшен и т. п.

Эти аспекты художественного мироощущения писателя в разной степени затронуты, помимо вышеназванных, в работах У.К. Абишевой, Н. Анри (Н.Б. Глушковой), Л.Н. Бараевой, Н.В. Володина, Е.В. Воропаевой, А.В. Громовой, Ю.А. Драгуновой, В.Т. Захаровой, Л.А. Иезуитовой, Н.В. Лау, С.А. Ломакиной, Е.А. Михеичевой, Н.М. Щедриной, Н.А. Куделько, А.М. Любомудрова, Н.И. Пак, И.А. Полуэктовой, Т.Ф. Прокопова, С.В. Сомовой, А.П. Черникова, А.В. Ярковой и др. Среди зарубежных славистов наибольшую известность приобрели труды Ренэ Герра (Франция), Марии Кристины Брагоне (Италия), Иоанны Мянновска (Польша), Иво Хуке (Швейцария), Ариадны Шиляевой (США).

В настоящее время можно говорить о Б.К. Зайцеве не только как об одном из самых оригинальных авторов первой волны русского зарубежья, но и как о художнике, чье творчество органично вписывается в контекст мировой, прежде всего европейской, культуры XX в., включая историю, философию, искусствоведение.

«Всегда мне казалось, что жизнь – это смена путешествий, вплоть до последнего»¹ – таково было мировоззренческое кредо писателя. Именно поэтому в качестве одной из основных структурообразующих доминант его художественного мира выступают тема странничества и категория пути. Конечно, в первую очередь следует иметь в виду их духовное наполнение, ориентированное на процесс истиноискательства, активизировавшийся в период эмиграции. Права С.В. Сомова, выделяющая «путешествие к Истине» в произведениях Зайцева как универсальный «метасюжет»².

Более того, понятие *путешествие* приблизилось у Зайцева к понятию *паломничество*, поскольку стало включать в себя ярко выраженную религиозную составляющую. Художественное воспроизведение феномена святости в его понимании – сложный и разноплановый процесс. Он основан на коллажировании документальных элементов, авторском домысле, на включении в повествование беллетристического начала, что привело к обновлению принципов агиографического жанра и паломнической наррации. Паломнические хождения Зайцева не обойдены историками литературы, философами и богословами, отмечавшими наличие традиции древнерусских хождений в очерках «Афон» и «Валаам».

Наше представление о феномене паломничества, нашедшем отражение в творчестве Зайцева, также предусматривает опору на классическую стратегию. Однако в своем историческом развитии паломнический жанр, не ослабляя духовной ориентации, претерпел множество видоизменений: от пилигримства по сакральному локусу Палестины до современного травелога. Кроме того, в условиях эмигрантского существования традиционные «ходины» на родину были невозможны, и подавляющее большинство изгнанников жило ностальгическими переживаниями, отождествляя утраченное Отечество с невозвратно канувшим в вечность градом Китежем. Б.К. Зайцев ставил вопрос иначе: в его мировоззрении и творчестве сформировался устойчивый комплекс-интегратор *Россия Святой Руси*.

¹ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1999–2001. Т. IX. С. 187.

² Сомова С.В. Поэтика Бориса Зайцева. Самара, 2008. С. 23.

В современной гуманитаристике остро стоит вопрос об интеграции с другими областями научного знания. В аспекте нашей темы большие перспективы, помимо опоры на современные междисциплинарные исследования в области визуализации, открывает гуманитарная география, или антропогеография (Д.Н. Замятин), реализованная в культурологическом и литературоведческом аспектах П.Л. Вайлем, В.Ш. Кривоносом, А.А. Кораблевым, Е.К. Созиной, Э.Ф. Шафранской, В.Г. Щукиным и др. Для Зайцева святорусский мир был своеобразной гетеротопией (термин М. Элиаде), что позволяло говорить о *России Святой Руси* как о зримой реальности. В этом заключались и уникальность авторской позиции, и специфический подход к осмыслению темы паломничества.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления коммуникативно-эстетической корректировки, которую получил феномен паломничества в творчестве Б.К. Зайцева.

Объектом изучения являются паломнические стратегии писателя, определившие эстетику и поэтику художественного нарратива.

Предмет – художественные интеграторы, к которым относятся понятийно-смысловой комплекс *Россия Святой Руси* и идеологема *пути*.

Материалом исследования послужили художественные произведения Зайцева периода эмиграции, путевые очерки, публицистика и мемуаристика.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить уникальность авторского осмысления феномена древнерусской святости в аспекте паломнических стратегий.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) раскрыть интегративную семантическую природу матрицы *Россия Святой Руси* в свете современной гуманитарной (*имагинальной*) географии и теории *иеротопии*;

2) обосновать понятие *паломнического травелога* в плане расширения коммуникативно-информационного поля в произведениях Б.К. Зайцева;

3) сопоставить традиционное хождение в формате путевых заметок и духовно-ментальное паломничество в святорусский локус как основу дикурса *странствий* в период эмиграции;

4) проанализировать в аспекте категории *пути* как духовного самосо осуществления литературных героев художественный нарратив итогового произведения «Путешествие Глеба»;

5) охарактеризовать процесс визуализации на примере многоступенчатого паломнического экфрасиса.

Методологическая база сформировалась в процессе обращения к исследованиям ведущих специалистов по истории литературы русского зарубежья и творчеству Б.К. Зайцева, а также с опорой на комплексные междисциплинарные труды по проблемам визуализации и образного мышления, на основе данных гуманитарной (имагинальной) географии и культурологического подхода к изучению сакральных пространств как особого вида творческой деятельности.

В работе использован метод традиционного историко-литературного анализа, который дает возможность охарактеризовать развитие паломнического жанра в его различных модификациях; сравнительно-сопоставительный метод, нацеленный на раскрытие новаторского характера паломнических стратегий Б.К. Зайцева; системный метод, ориентированный на анализ художественного текста как целостного структурно-образного единства; биографический метод, позволяющий установить соотнесенность жанра ментального паломничества с фактами биографии писателя.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые на конкретном художественном материале выявлена природа духовно-ментального паломничества в связи с постулатами современной гуманитарной географии и определен смысловой объем понятия *паломнический травелог* как жанрово-видовой разновидности литературы *странствий*.

Теоретическая значимость диссертации состоит в дифференциации жанровых параметров феномена *литературное паломничество*; в разработке вопросов визуализации ментального странничества; в разграничении понятий *иерофания*, *иеротопия*, *гетеротопия* применительно к художественному повествованию.

Практическое значение работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в процессе чтения курсов по истории литературы русского зарубежья и литературного процесса XX в. в целом. Материалы диссертации могут найти применение при разработке элективных курсов по литературе в общеобразовательных учреждениях различного типа.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период эмиграции в творчестве Б.К. Зайцева сформировался уникальный понятийно-образный комплекс *Россия Святой Руси* как биографический, мировоззренческий, философско-религиозный интегратор. Воплощением святорусской духовности на чужбине стали отечественные проповедники-миссионеры в православных храмах Франции; философы и деятели культуры (пассажиры «философского парохода»); И.А. Бунин, И.А. Ильин, И.С. Шмелев, М.А. Осоргин и др. авторы, опиравшиеся на традиции русской словесности, а также европейский сакральный локус. Перенос матрицы *Россия Святой Руси* в условия эмиграции расширил информационно-смысловое ядро хронотопа *родная земля*, что отличало Зайцева и от представителей евразийского движения, стоявших перед дилеммой «Евразия» или «Святая Русь», и от подавляющего большинства эмигрантов, живших пассивной ностальгией по прошлому. К воссозданным в творчестве писателя святорусским локусам приложимы понятия *иерофания* (М. Элиаде), *иеротопия*, *гетеротопия*.

2. Сакрализации образа родины способствовали предпринятые Б.К. Зайцевым паломнические поездки на Афон и Валаам. В современное автору коннотативное поле православной культуры «Россия духа» вошла не в форме абстрактных мыслеобразов прошлого, но в контексте чувственно-осязаемых и зримых реалий настоящего. Феномен визуализации, а также внесенная в традиционную жанровую модель паломнических странствий («хождений») интрига (сюжетная занимательность) позволяют рассматривать путевые очерки «Афон» и «Валаам» в формате *паломнического травелога*. Его хронотопологические параметры на уровне литературного приема активно использовались писателем в собственно художественных структурах эпического плана (повесть «Странное путешествие», роман «Золотой узор» и др.).

3. Объективно лишенный возможности посетить святые места современной ему России (СССР), Б.К. Зайцев продолжил традицию паломнических «хождений» ментально. Его духовно-ментальная стратегия получила выражение в повести «Преподобный Сергей Радонежский» и в «Дневнике писателя», страницы которого посвящены старцам Оптиной пустыни, Иоанну Кронштадтскому, «вечным книгам» Ф.М. Достоевского, судьбам И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого. Согласно Зайцеву, странствие по российским городам и весям не требует физического перемещения в пределы «древне-родной» земли. Это метапутешествие в формате виртуала, что позволяет анализировать феномен ментального паломничества в аспекте современной гуманитарной (има-

жинальной) географии, рассматривающей акт моделирования страноведческих образов как результат образно-мыслительной деятельности.

4. Итоговое произведение Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» воссоздает сакральную картографию России в процессе раскрытия духовного становления главного героя – alter ego автора. Четыре романа, образующие тетралогию, – четыре стадии сценария человеческой жизни как истинноискательства. Путь персонажа к самому себе, поиски собственного духовного центра неотделимы от преобразования профанной действительности и ее художественной трансформации в *иеротопию*. «Путешествие» Глеба является формой духовно-ментального хождения в глубины *России Святой Руси*. Визуализации авторской идеи способствует многоступенчатый паломнический экфрасис.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; репрезентативен анализируемый материал, включающий, помимо художественных произведений, широкий круг мемуаристики, публицистики, эссеистики; полученные теоретические и практические выводы опираются на авторитетную теоретико-методологическую базу; основные результаты изложены на научных и научно-практических конференциях различного уровня и отражены в научных публикациях.

Апробация материала диссертации осуществлялась на XXIII Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, ВГТУ, 11–14 декабря 2018 г.), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 9–13 апреля 2018 г.; 12–23 апреля 2021 г.); III Международной научно-практической конференции «Гуманитарные науки: от вопросов к решениям» (Томск, Федеральный центр науки и образования «Evansys», 25 октября 2018 г.); X Международной научно-практической конференции «Славянские чтения – 10» (Молдова, г. Кишинев, Славянский университет, 15–16 ноября 2018 г.); IX и X Международных научных конференциях «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, ВГСПУ, 27 ноября 2017 г.; 30–31 октября 2019 г.); XII и XIV Международных научно-практических конференциях «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (Волгоград, РАНХиГС, 3 декабря 2019 г.; 21 мая 2021 г.); III Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» (Москва, ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 29–30 мая 2020 г.); XXI Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (Москва, ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 26–28 мая 2020 г.); Всероссий-

ской научно-практической конференции с международным участием «Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество» (Чебоксары, БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования», 19–21 августа 2020 г.); Международной научно-практической конференции «Современная наука: диалог естественно-научной и социально-гуманитарной субкультур» (Белгород, АПНИ, 12 октября 2020 г.); VIII и IX Международно-практических конференциях «Культура в фокусе научных парадигм» (Донецк, Донецкий национальный университет, 7–8 апреля 2020 г.; 7–9 апреля 2021 г.).

По теме исследования опубликовано 11 работ в изданиях Белгорода, Волгограда, Донецка, Москвы, Кишинева, Ростова-на-Дону, Томска, Чебоксар, включая 3 статьи в изданиях из списка, рекомендованного ВАК.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 336 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается интегративно-комплексный характер темы, определяются ее актуальность, цели и задачи работы, обозначаются объект и предмет исследования, теоретико-методологические основы диссертации, ее научная и теоретическая новизна, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Паломничество в контексте литературы путешествий: теоретический и историко-литературный аспекты»** рассматривается развитие жанра паломнической прозы и делается вывод о правомерности его анализа как самодостаточного феномена со специфическими параметрами и системообразующими принципами.

В **параграфе 1.1** «Проблема жанровых дефиниций в современном литературоведении: паломнический травелог» обозначены точки соприкосновения различных жанрово-видовых структур паломнического повествования с учетом нарративных особенностей дикурса *странствий* в историко-генетическом, эстетическом и нравственно-религиозном аспектах.

По идейно-тематической направленности и способам репрезентации авторского «я» страннический нарратив условно можно распределить по двум основным группам: светские тексты как выражение авторского утилитаризма и прагматизма и произведения, в которых хроно-

топ осмысляется в духовно-сакральном значении. На конкретных примерах рассмотрены жанрово-видовые модели каждой из этих групп. В частности, своеобразие служебной документалистики охарактеризовано в процессе анализа текстов А.С. Грибоедова и Ф.Ф. Торнау, еще не привлекавших должного внимания литературоведов.

Паломническая традиция в значительной степени ориентирована на национальные модели прозы. Так, в древнерусских хождениях знаковыми являются дистанционные ожидания «встречи с чудом»; заявленная необходимость духовно-нравственного очищения (катарсис); сакральный ракурс изображения материальных объектов и географических реалий; интертекстуальная насыщенность нарратива библейскими реминисценциями и аллюзиями; четкая фиксированность композиционной структуры (вступление, где разъясняются причины и цель паломничества, описание пути, фиксация приобретенного духовного опыта) и др.

Центральное место занимает дискуссионный вопрос о соотношении паломнического канона с травелогом, предполагающий установление границ травелога и терминологическую дифференциацию. В работе подчеркивается, что хронотопологические параметры травелога на уровне литературного приема могут с успехом функционировать в других художественных текстах эпического плана. Отмечается также, что травелог, обладающий свойствами интермодальности и полифункциональности, входит в разряд популярных современных медиафеноменов.

В итоге травелог обозначается как занимательно-познавательный жанр, характеризующийся информативностью и прагматизмом. Однако учитывается, что в контексте художественного развития он пережил сложную эволюцию, усваивая (насколько это возможно) структурообразующие черты паломнической литературы. Именно поэтому в диссертации обосновывается целесообразность понятия *паломнический травелог*, к которому еще очень осторожно прибегают некоторые исследователи. В данной структуре объединяются две магистральные жанрообразующие линии: художественная, предполагающая вымысел и домысел (при этом мотив путешествия выполняет эстетические непрагматические функции), и сугубо документальная, заслуживающая первоочередного внимания не только в плане литературы нон-фикшен, но и в связи с духовно-нравственной аксиологией. Данный фактор обусловлен исторически, поскольку странствия в христианской традиции генетически связаны с латинскими итинерариями и греческими проскинитариями.

Обращается внимание на роль паломнических источников как картографированных путеводителей-справочников с указанием точных

координат местонахождения святых и пути к ним, что также позволяет видеть в них элементы травелога. Данный постулат подтвержден анализом произведения духовного писателя-мирянина А.Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (1836).

В работе подчеркивается, что между паломническим каноном и травелогом существует и принципиальное расхождение: если первый функционирует в параметрах определенной вероучительной системы, то автор травелога может быть религиозно индифферентен. Для паломника пространство имеет сакральные «точки отсчета» (храм, часовня, монастырские постройки и т. п.), и, составляя свой «путеводитель» с картографической точностью, он ощущает его неоднородность. Для любопытствующего путешественника пространство однородно. Аналогично и дифференцированное восприятие времени. Если паломник остро ощущает дыхание вечности, то автор травелога, путешествуя «во времени», скорее воспринимает временной фактор как элементарный переход от прошлого к настоящему. Однако, даже будучи религиозно индифферентным, светский писатель не может обойти вниманием исторические реликвии, являющиеся материальными носителями многовековых форм духовности.

Поэтому игнорирование связи травел-дискурса с литературной традицией пилигримства не представляется оправданным. Изучение жанрово-генетических истоков травелога, выявление его эстетических возможностей открывают широкие перспективы многостороннего постижения природы травел-текста, травел-нарратива, травел-письма и такого распространенного в наши дни явления, как религиозный туризм. Таким образом, *паломнический травелог* мы считаем видом паломнического жанра в целом.

Если традиционный канон хождений (ходьбы) в кардинальном пересмотре существующих концепций не нуждается и требует лишь незначительной корректировки, то понятие *ментальное паломничество* предполагает ряд пояснений, чему посвящен **параграф 1.2** «Ментальное паломничество: обоснование жанра (на материале литературы русского зарубежья)».

В работе анализируются особенности формирования концепта *родная земля* и раскрывается природа художественного моделирования ситуации паломничества на основе ностальгических переживаний, воспоминаний и умозрительных представлений о Святой Руси, присущих эмигрантскому сообществу.

Для русских эмигрантов имидж родной страны формировали в первую очередь отечественная словесность, православная религия и

религиозная философия, т. е. основные факторы национальной самоидентификации. Иногда образ России «сжимался» до знакового символа, локального конструкта (*деревенское окно, антоновские яблоки, горсть земли, «дым Отечества»* и т. п.), но чаще возникали расширенные трансформации топоса, в результате чего смысл концепта *русская земля* функционировал в исторической, философской, эстетической многоплановости. Полифония ментально-образных модификаций подтверждается ссылками на творчество И.А. Бунина, Г.В. Иванова, П.А. Сорокина, И.С. Шмелева, публицистику И.А. Ильина, трилогию Р.Б. Гуля «Апология эмиграции» («Россия в Германии», «Россия во Франции», «Россия в Америке»). Вектор путей небесных, определивший, в частности, пафос творчества Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева, способствовал зарождению метода *духовного реализма* (А.М. Любимов), актуализировавшего «вечные» проблемы мироздания.

В диссертации предпринята попытка обозначить истоки ментально-паломнического жанра на материале романа А.Ф. Вельтмана «Странник» и сновидческих страниц Ф.М. Достоевского. Произведения вписываются в парадигму ментального паломничества с его основными атрибутами: моделирующей функцией сознания, образами *terra incognita*, созданными по принципам виртуала и гуманитарной (*имажинальной*) географии.

Последнее имеет принципиальное значение применительно к анализу художественного хронотопа. Акценты на активности творческого воображения, склонности к художественному прогнозированию, визуализации и виртуализации, обусловленные ориентацией на постулаты гуманитарной географии, позволяют существенно дополнить терминологический аппарат понятиями *топофилия, гетеротопия, иерофаня* и др.

Мы приходим к выводу: писатели-эмигранты первой волны, ностальгируя по оставленному отечеству, внесли большой вклад в развитие паломнического жанра, обогатив его ментально-виртуальными параметрами. Данная тенденция проявилась наиболее ярко в следующих моментах: 1) в художественно-умозрительном воспроизведении сакрального топоса, проецирующегося на реальность, но содержащего элемент домысла (иногда вымысла); 2) в восстановлении событий Ветхого и Нового Заветов, окрашенных личным «тайнозрением»; 3) в воссоздании мифологизированного мира Святой Руси; 4) в выделении феноменов случайного и непредвиденного в личной судьбе. Все это позволяет в определенной степени квалифицировать жанр ментального путешествия как вариант духовного травелога и внести коррективы в

традиционные представления о дискурсе *странствий* в целом и паломническом жанре в частности.

Многоплановость паломнического жанра реализовалась Зайцевым полно и адекватно, о чем идет речь во **второй главе «Художественное расширение коммуникативно-информационного поля в паломнической практике Б.К. Зайцева».**

В годы рассеяния укрепились религиозные основы творчества автора, ранее далекого от религиозно-церковных проблем русской жизни. Эмиграция внесла в его сознание идею мессианства: «Какие бы ни были, мы явились сюда не с пустыми руками. Нам нечто доверено <...> здесь вера наша на воле»³. Поэтому период эмигрантского существования стал для Зайцева этапом духовной зрелости и творческого взлета. Писатель не пытался скрыть остроту ностальгических переживаний, но его поддерживала витальная энергетика родного Слова.

В **параграфе 2.1** «“...Жизнь – это смена путешествий...”»: биографическая и художественно-мировоззренческая основа дискурса *странствий*» показано, что изгнанничество обостряло потребность писателя в духовно-коммуникативных источниках, какими со времен молодости являлись путешествия. Мифологемы *человек-путник*, *жизнь-странничество* также доминировали в дореволюционном творчестве Зайцева, но мотив *странствие-истиноискательство* реализовался именно в период эмиграции. «Чувство, что ты эмигрант, а не путешественник»⁴ ослабило гедонистическую основу путешествий, они напрямую приблизились к паломничеству, а иногда отождествлялись с ним, поскольку включали в себя религиозную составляющую.

Весомым аргументом в доказательстве принципиальной новизны творческих устремлений писателя-эмигранта (при их преемственности) является сравнительно-сопоставительный анализ повести «Голубая звезда» (1918) и рассказа «Странное путешествие» (1926). Главный герой повести – типичный перекаати-поле. Он вполне удовлетворен пассивным созерцанием голубой Веги, символом «небесной Девы», и мечтает прожить до конца дней в этом блаженном состоянии неведения и покоя. Но в рассказе периода эмиграции высшая «благодатная сила» побуждает его отдать жизнь «за други своя» и тем самым реализовать религиозную семантику фамилии: Христофоров – носитель идеи Христа.

Восхождение Зайцева к идеалам христианского подвижничества было связано с постижением феномена святости. Автоматически снималась проблема физического возвращения в родовые «гнезда», но в

³ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. VII. С. 382.

⁴ Там же. Т. IX. С. 240.

то же время в «памяти сердца» актуализировалось прошлое. И хотя Зайцеву удалось совершить две поездки по святым местам (Афон и Валаам), его хождения в основном выливались в ментально-духовные перемещения в пределы «древне-родной» России.

В *параграфе 2.2* «Художественно-религиозная идеологема *Россия Святой Руси*: духовная трансформация хронотопа» доказывается, что с первых лет изгнанничества в творчестве Б.К. Зайцева стал оформляться уникальный понятийно-образный комплекс *Россия Святой Руси*. Это был своеобразный интегратор, сформировавшийся в процессе проекции нравственно-эстетических представлений о прошлом на современную действительность.

В работе отмечается, что тема *Россия Святой Руси* у Зайцева самореферентна. Она накладывается на произведения, написанные до эмиграции и рисовавшие образ «какой-нибудь Поповки тульской» («Священник Кронид», «Церковь», «Люди Божии»). Это было счастливое пространство, *топофилия* (Г. Башляр), которое ассоциировалось с городом Китежем.

Однако принципиальное отличие Зайцева от соотечественников заключалось в том, что для него русская Атлантида, навсегда ушедшая в глубины истории, не исчерпывала содержание идеологемы *Россия Святой Руси*. Рудименты «древне-родной» земли писатель угадывал в настоящем, в тех «пустыках» и «мелочах», которыми наполнялась жизнь эмигранта: в выражении глаз простых русских людей, косичках русоголовых девочек, попавших в эмиграцию с родителями, в запахе августовских полей, напомнивших родное Притыкино, и т. п. Носителями святорусской идеи в эмигрантском бытии стали проповедники-миссионеры, вдохновленные примером Иоанна Кронштадтского, насельники православных монастырей, разбросанных по всей Франции, философы и деятели культуры, отправившиеся в изгнание на «философском пароходе», конечно же, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, И.А. Ильин и др., возрождавшие классические традиции. Все это давало прочную основу утверждать: «...произошло нечто странное и совсем непредвиденное: Россия явилась сюда»⁵.

В диссертации подчеркнут еще один момент. Как бы пристрастно ни относился писатель к Советской России, он все же видел в ней (особенно в последние годы жизни) ростки истинной культуры. Высоко оценил евангельские стихи Б.Л. Пастернака в романе «Доктор Живаго», радовался выходу академического издания сочинений И.С. Тур-

⁵ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. VII. С. 375.

генева, вел переписку с учеными Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Таким образом, по своей природе идеологема *Россия Святой Руси* в равной степени реальна и виртуальна. Она предполагала ментально-образную активность автора; это был не культ прошлого и не апология настоящего, но их интеграция.

В *параграфе 2.3* «Италия как модификация *России Святой Руси* в художественном творчестве и публицистике Бориса Зайцева» показано, что биографический, фактический и художественно-публицистический аспекты темы «Зайцев и Италия» хорошо изучены. Поездки в Италию, совершаемые регулярно с 1904 г., писатель считал одним из определяющих факторов своего духовного и художественного развития. Для Зайцева-эмигранта период «художественно-познавательных» путешествий по знаковым локусам Средиземноморья закончился, как закончилась Россия при пересечении границы близ Себежа. Однако итальянская тема прочно вошла в область смысловых коннотаций, связанных с интегратором *Россия Святой Руси*. И не просто вошла: Италия стала одной из модификаций этого идеала. В данном ключе в диссертации рассмотрен цикл путевых очерков, записок, дневниковых записей «Италия» (1923), из которых следует, что писатель ставил знак равенства между русской и итальянской сакральностью.

В контекст подобных размышлений вписывается сопоставление преп. Сергия Радонежского со св. Франциском Ассизским. Зайцеву были важны общие параметры феномена святости: упование на милость Божию, апология евангельской нищеты, стремление к внутреннему преображению и др. Однако, отдавая должное Ассизцу, писатель подчеркивал его квиетизм и склонность к экзальтации, что было абсолютно чуждо преп. Сергию, учившему «тихим деланием». Однако в итоге Сергей Радонежский и Франциск Ассизский выступают как евангельская «двоица», которой, по словам П.А. Флоренского, Христос дал власть и силы побеждать зло⁶.

Таким образом, понятийные комплексы *русская земля / итальянский локус* вышли в творческом сознании Зайцева за привычные географические рамки, а поездки по Италии стали реальным осуществлением паломнических устремлений в *Россию Святой Руси*.

Помимо прочего, в данном параграфе представлены этапы художественного зарождения *иерофании*, связанные с впечатлениями от посещения Авентина, где прошли детские и отроческие годы Алексея человека Божия. Можно утверждать, что римский аскет, подобно

⁶ Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 419–420.

Франциску Ассизскому, Серафиму Саровскому, Сергию Радонежскому и др., реально участвовал в формировании феномена *Россия Святой Руси*. Выявлению уникальности «римских» страниц Зайцева способствует их сопоставление с «Римскими сонетами» Вяч. Иванова. Авторы-италофилы по-разному понимали процесс топологической сакрализации. У филолога-классика Вяч. Иванова признаками *теофании* наделялись античные реалии большей частью языческого происхождения. Зайцев же в рассказе «Алексий Божий человек» (1925) исходил из христианских ценностей. Под его пером холм Авентин становится знаковым локусом христоцентризма.

В *параграфе 2.4* «Ментальное паломничество в “мастерские” преп. Сергия Радонежского» освещается остро поставленный эмиграцией вопрос о будущем России, ответы на который обсуждались на политическом и философско-религиозном уровнях. Евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Вернадский) исходили из необходимости государственного объединения славян с народами «степи». У Г.П. Федотова формула самоопределения будущей России исчерпывалась понятием «древнерусская святость», которое легло в основу его книги «Святые Древней Руси» (Париж, 1931), высоко оцененной Зайцевым. Мыслитель делал акцент на духовном облике «религиозных гениев».

У Зайцева постижение феномена сакральности было прежде всего связано с проблемами национально-государственного строительства. Не случайно одним из первых его произведений на чужбине оказалась повесть «Преподобный Сергий Радонежский» (1925). Святой почитался православной эмиграцией не только как чудотворец, но и как «строитель» Руси. У Зайцева «плотник-святый» выступает как «участник и политики, и малых дел житейских»; он «учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере»⁷.

Книгу о Сергии Радонежском можно считать образцом ментального паломничества автора в *Россию Святой Руси*, осуществленного в процессе синтеза документального материала, агиографических источников и художественного воображения.

В *параграфе 2.5* «Синтез эмоционального и рационального в паломническом цикле “Афон” и “Валаам”» говорится о том, что паломнические стратегии Зайцева-эмигранта не исчерпывались ментальными странствиями. Весной 1927 г. писатель совершил поездку на Святую гору Афон (Греция). Уникальность одноименной книги, составленной из 11 очерков (1928), заключается в том, что автор совместил

⁷ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. VII. С. 68–69.

объективную дескрипцию увиденного с достоверной передачей психологического состояния человека, в полной мере ощутившего благодать Святой Горы, т. е. представил рациональное и эмоциональное в «живом» единстве.

Художник, каким позиционирует себя Зайцев, обладал тайнозрением. В его повествовании за видимым скрывается невидимое, за выразимым – невыразимое, поэтому реалии просвечиваются образами инобытия. За внешней неторопливостью монашеской жизни, как показывает автор, стояла суровая школа «самовоспитания, самоисправления и борьбы». 17 дней на Святой земле расширили земное пространство до бесконечности, возвысили авторское видение до молитвенного созерцания.

Нарративная основа очерка «Валаам» (1936) сформировалась на аналогичных принципах. Благодаря тому, что вплоть до 1940 г. остров принадлежал Финляндии, паломничество в пределы Святой Руси осуществилось физически. В смысловое поле сакральные реалии вошли как конкретные трехмерные объекты, соединившие прошлое с настоящим. Визуальный модус восприятия Валаама реализовался посредством совмещения различных ракурсов и типов зрения.

Из всех атрибутов Валаама как *теофании* (М. Элиаде) сферой визуализации выступают эстетическая и нравственная сферы. Очерк Зайцева дает возможность выделить «чувственно-телесный» аспект духовных странствий. В итоге как ментальные, так и реально осуществленные паломнические поездки Б.К. Зайцева позволяли ему утверждать: «Истина все-таки придет из России <...> Придет новым, более справедливым, человечным, но и выше человечным сознанием жизни, чтобы просветить усталый мир»⁸.

Третья глава «Сакрализация пространства в аспекте духовного паломничества: тетралогия Б.К. Зайцева “Путешествие Глеба”» посвящена итоговому произведению писателя – тетралогии «Путешествие Глеба».

В *параграфе 3.1* «Путь к самому себе: проблема самоидентификации» в аспекте категории пути и феномена странничества рассматриваются вопросы самопознания персонажа. Вынесенная в название произведения лексема *путешествие* непосредственно соотносима с «двойным зрением» автора, о чем после выхода первой части романа писал К.В. Мочульский⁹. Подхваченный современными исследовате-

⁸ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. IX. С. 55.

⁹ Мочульский К.В. <Ясновидение любви> // Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1999. Т. 4. С. 594.

лями, этот тезис предполагает взгляд сверху вниз: из настоящего в невозвратно ушедшее прошлое.

В тетралогии странничеству в разной степени подвержены все основные персонажи. Отец Глеба по тем или иным причинам меняет место работы, а значит, и место жительства; мать разделяет с мужем его жребий; сам Глеб проводит много времени в поездках – сначала вместе с родителями, потом, начиная с гимназических лет, один; дворовые люди по традиции ходят на богомолье и т. д. Поэтому невозможно обойти символическую неотъемлемость имен *Борис/Глеб*. Замысел писателя заключался в выдвигании идеи духовного родства русского человека XX в. с подвижниками и страстотерпцами предшествующих времен.

Четыре романа, образующие тетралогия Зайцева, – это четыре фазы индивидуального и общего «сценария» человеческой жизни. «Путешествие» героя, к которому стянуты, по существу, все сюжетно-композиционные нити повествования, четко разделено на хронотопологические фазисы, отмеченные знаковыми остановками на жизненном пути.

Роман «Заря» расцвечен «золотыми» узорами детской безмятежности и осенен благодатью. Атмосфера любви и сочувствия, красота природы, эмоциональное восприятие жизненной повседневности, культурные запросы семьи являлись важнейшим исходным фактором саморазвития Глеба. В романе «Тишина» изображение героя дается в двух измерениях: стихийно-природном и казенно-городском. *Тишина* – метафора, характеризующая атрибуты отрочества: тишину одиночества, взросления, самопознания. Восторги первооткрывателя радостей деревенского существования все чаще сменяются моментами горечи и сомнения. Важной особенностью повествования являются цикличность и повторяемость событий: Глеб постоянно возвращается в природную стихию, но каждый раз в более зрелом душевном состоянии. Постепенно он начинает ощущать связь своего «я» с родной землей. В романе «Юность» показано, что восемнадцатилетний персонаж не только встает на путь нравственного и профессионального самоопределения, но и осознает необходимость постижения острых противоречий социума.

По замыслу и способам его реализации первые три романа тетралогии сближаются с вершинными произведениями русской классической литературы: с «Отрочеством» Л.Н. Толстого, «Гимназистами» Н.Г. Гарина-Михайловского, «Жизнью Арсеньева» И.А. Бунина. В поэтизации природы, преобладании субъективного видения над пред-

метностью Зайцев идет тургеневским путем. Настроение и желания Глеба-ребенка полностью определены преимуществами «естественного» существования: самостоятельное купание в реке, первая охота, мечты о ночном, куда на «свой» Бежин луг веселой толпой неслись деревенские Савоськи, Ивашки, Петруньки на «скифских» лошаденках. Погружение персонажа в первозданность родной природы – один из определяющих векторов его духовно-нравственного самоощущения и самоопределения в противоречивом социальном мире.

В заключительном романе «Древо жизни», посвященном периоду эмиграции, обобщенный смысл приобретает концепт *дорога*. Путь героя, начавшийся в российской глубинке, завершается его пребыванием в Финляндии, рядом с Россией. Писатель использует кольцевую композицию, связывая последние страницы цикла с первыми.

Название «Древо жизни», как и предыдущих произведений, глубоко символично. Им возрождается цепочка ассоциаций от архетипа Arbor Mundi до христианских толкований «древесных» образов. Смысл названия прочитывается и в свете евангельской притчи о горчичном зерне. По мере взросления знания Глеба о своей стране расширились и обогащались. «Мать Земля, Мать Россия», дышавшая «благодатию своего изобилия и мира», входила в жизнь персонажа песнями, «домодельными» поневами сельских девушек, приокскими пейзажами, «духовитыми покосами», Благовестом и т. п. Из этих малых зерен произросло высокое и плодоносное дерево истинной любви к родной земле, понимание целебной силы, идущей от *России Святой Руси*.

Четко выделяются в романе три измерения хроноса: время физическое (отражающее этапы взросления Глеба), историческое (Россия до-революционного периода) и сакральное, устремленное в бесконечность.

Закономерно, что именно четвертый роман «Древо жизни» в наибольшей степени выразил пафос всей тетралогии – мысль о необходимости непрекращающегося душевного и духовного роста. В итоге выдвинутое в название произведения Древо жизни предстает как Древо познания и самопознания на пути к Истине.

Помимо положений гуманитарной (*имагинальной*) географии, дискурс *странствий* Б.К. Зайцева соотносится с новейшими концепциями сакрализации пространства, о чем идет речь в *параграфе 3.2* «Сакральный топос и его модификации: феномен *иеротопии*».

Иеротопический подход к «Путешествию Глеба» дает возможность раскрыть сакральную сторону постоянных перемещений героя тетралогии. Писатель не скрывает: Глеб ни в юности, ни в более зрелые годы не посещал целенаправленно известнейших святых мест России. Се-

мейное воспитание также не способствовало зарождению паломнических интересов. Но «чувство рая», с которым жил ребенок в атмосфере родительской любви, наделяло статусом *иеротопии* профанные житейские «мелочи». Постепенно формировались представления об уникальности исторического пути России. Рязань, через которую пролегла дорога в новое «временное пристанище», связывалась подростком с «русскими витязями в шлемах, с мечами, стягом, стеной бьющиеся с узкоглазую татарвой – Глеб любил Куликовскую битву, победу России»¹⁰. Однажды, выиграв «битву» у сверстника-гимназиста, он почувствовал, что «не посрамил земли русской»¹¹.

Но если говорить об элементах паломничества в «Путешествии...», то в первую очередь следует обратиться к художественному пространству как к категории, напрямую выводящей к мотивам пути и распутицы, дороги и бездорожья, сухопутных и водных перемещений, а главное – к тем состояниям души героя, которые А.С. Пушкин назвал «охотой к перемене мест». Последнее не менее существенно, если под паломничеством иметь в виду как физическую ходьбу, так и воображаемые (ментальные) хождения.

Одним из определяющих признаков религиозного, в частности паломнического, мировосприятия считается «храмовое» сознание¹². В работе анализируются фрагменты романа, отражающие пребывание героя в Москве. Делается вывод, что ощущения Глеба, связанные с восприятием сакральных локусов города, равноценны «храмовым» впечатлениям паломника. Кремль, Вознесенский монастырь, Чудов монастырь, Успенский собор, Церковь Воскресения Христова в Кадашах, колокольня Ивана Великого, Архангельский собор – все это маркеры на пути духовного странничества персонажа.

Студенчество еще активнее пробудило дремлющую прапамять героя, и новоиспеченный студент, проезжая подмосковные усадьбы, погружался в прошедшее, переживая его в настоящем. «Для других, может быть, и неважно. Для него важно»¹³.

В романе «Древо жизни» иеротопической функцией наделено пограничье, которое с библейских времен относится к сакральным. Не случайно излюбленные европейские локусы, которые персонаж избрал для своих хождений, – это пограничные с Россией места, где «Русью

¹⁰ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. IV. С. 177.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М., 1994. С. 225.

¹³ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. IV. С. 372.

пахнет». Последнюю точку в тетралогии ставит узкая полоса российско-финской границы. Финский залив, вид Кронштадта, флаг на советском наблюдательном пункте, «простая русская баба», погоняющая скотину... Профанная в своей обыденности реальность предстает в духовном величии. Еще одним доказательством того, что путешествие Глеба можно условно назвать паломничеством в Святую Русь, является проведенное в работе сопоставление тетралогии Зайцева с книгой историка христианской Церкви, последнего обер-прокурора Святейшего синода и крупного общественного деятеля эмиграции А.В. Карташёва «Воссоздание Святой Руси» (1956). Доминирующей в трактате является мысль о реальности и актуальности святорусского идеала для эмигранта-изгоя. Что касается Зайцева, то можно утверждать, что все его творчество – скитание-паломничество по знаковым локусам России.

Все отмеченное позволяет рассматривать «Путешествие Глеба» в разных жанровых категориях: в формате путевой прозы с элементами травелога, в рамках традиционных хождений (ходьбы) и, конечно, в аспекте ментального паломничества в заветные пределы *России Святой Руси*. Художественная реализация дикуруса *странствий* представлена в автобиографической тетралогии комплексно.

В **параграфе 3.3** «Визуальная составляющая дескрипции *сакрального* в тетралогии Б.К. Зайцева» указано, что актуальные в настоящее время исследования, посвященные проблемам визуальной культуры, имеют непосредственное отношение к паломническому жанру. Феномен «оживающего» изображения, т. е. «видения» святых, определялся представлениями паломника о живоносной природе святой плоти, запечатленной в иконе – «умозрении в красках» (Е.Н. Трубецкой). В таком случае невозможно обойтись без понятия *экфрасис*, функция которого – добиться максимального сближения вербализации с визуализацией. В параграфе анализируется *паломнический* экфрасис как разновидность экфрасиса *религиозного*.

Тяготение главного героя тетралогии, в равной степени владеющего кистью и словом, к переложению жизненных обстоятельств на язык живописи естественно. Жизненный путь «обыкновенного русского юноши» Зайцев перевел в план высокой исторической драмы в ее визуальной конкретике. Если данный акт авторской воли считать переводом профанной повседневности на *иноязык*, то целесообразно говорить о паломническом экфрасисе в широком смысле слова. Этот угол зрения проявлялся на разных этапах взросления Глеба и в разных ситуациях: при чтении остросюжетных произведений в детстве, во время поездок подростка с отцом по святым местам, в эмиграции.

В параграфе детально проанализирован процесс формирования паломнического экфрасиса, восходящего к образу св. Серафима Саровского. Экфрасическая ситуация условно разбивается на несколько фрагментов, каждый из которых визуализирует представления персонажа об облике святого и его значении в русской жизни. Акт перевыражения вербального на визуальное присутствует также в восприятии Глебом творчества Ф.М. Достоевского, проявляется при осмыслении личности и творчества Данте, «первого эмигранта Европы».

В работе выявляются паломнические нарративные интенции эпизодов, связанных с символикой средств передвижения. Это поездки по Волге на комфортабельных пароходах, описание переправы на пароме в пасхальную ночь, передвижения по железной дороге и даже «путешествие на диване» как способ самоосмысления и самооценки, т. е. перемещения сознания в глубины души и сердца (традиция, идущая от А.Ф. Вельтмана и И.А. Гончарова). «Великая колесница России катилась»¹⁴, и вместе с ней осуществляли свое жизненное предназначение зайцевские персонажи.

Таким образом, итоговое произведение Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» художественно интегрирует многообразные стратегии странничества – от ментально-абстрагированных до визуально конкретизированных. Синтез же традиционно реалистических, неореалистических, импрессионистических черт художественного письма, отражающего духовные устремления автора и его персонажей, – еще одно свидетельство разделения писателем принципов *духовного реализма* (А.М. Любомудров).

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования, делаются выводы в соответствии с поставленными целью и задачами, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Наиболее значительная по объему часть нашей диссертации посвящена сопоставлению традиционного формата хождений и образов *ментального* паломничества, связанного у Зайцева с интегративным понятийно-образным комплексом *Россия Святой Руси*, сформировавшимся в годы эмиграции. Отдаленность от родины стимулировала пробуждение прапамяти, которая предполагала ментально-образную материализацию сакральных интенций. В центре внимания автора стоял процесс «оживающего изображения», уходящего корнями в историю России. Этот факт породил один из самых интересных аспектов паломнического жанра у Зайцева – «вещественную» художественную перекодировку умозрительных понятий: *ностальгия, мечта, идеал* и

¹⁴ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. IV. С. 403.

т. п. Он поддерживался как воспоминаниями о реальном пребывании в священных для православного человека местах, так и идеализированно-виртуальными представлениями о них.

В связи с доминирующей ролью пространственных измерений в семантическом комплексе *паломничество* мы, опираясь на труды Г. Башляра, Д.Н. Замятина, А.М. Лидова, М. Элиаде и др., говорим о феноменах *иеротопии* и *иерофании*. Имеется в виду сакральная топография России и Европы, отраженная в творчестве Б.К. Зайцева. Данная тенденция напрямую соотносится с *геолитературоведением* и *геопоэтикой*, которые в современной филологии относятся к одним из наиболее перспективных научных направлений.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Лазарев, А.А. Паломнический травелог: жанрово-видовая идентификация / А.А. Лазарев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5(138). – С. 215–219 (0,5 п. л.).

2. Лазарев, А.А. «Россия Святой Руси» Бориса Зайцева: структура идеала / А.А. Лазарев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4(147). – С. 208–214 (0,6 п. л.).

3. Лазарев, А.А. Духовная картография Б.К. Зайцева: иеротопия в тетралогии «Путешествие Глеба» / А.А. Лазарев, Л.В. Жаравина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2(155). – С. 180–187 (авт. – 0,4 п. л.).

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Лазарев, А.А. Синтез эмоционального и рационального в цикле очерков Б.К. Зайцева «Афон» / А.А. Лазарев // СтРИЖ: студенческий электронный журнал. – 2018. – № 2(19). – С. 17–20 (0,4 п. л.).

5. Лазарев, А.А. Российский хронотоп в духовном измерении русской эмиграции (1920–1930-е гг.) / А.А. Лазарев, Л.В. Жаравина // Славянские чтения: научно-теоретический журнал. – 2018. – № 12(18). – С. 157–169 (авт. – 0,3 п. л.).

6. Лазарев, А.А. Ментальные паломничества Б.К. Зайцева в свете гуманитарной географии / А.А. Лазарев // Современная наука: диалог естественно-научной и социально-гуманитарной субкультур: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород, 2020. – С. 35–39 (0,5 п. л.).

7. Лазарев, А.А. Феномен святости в художественной интерпретации Б.К. Зайцева / А.А. Лазарев // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2020: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. – Чебоксары, 2020. – С. 241–244 (0,4 п. л.).

8. Лазарев, А.А. Литература non-fiction в аспекте паломнического нарратива / А.А. Лазарев // Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. по итогам X Междунар. науч. конф. – Волгоград, 2019. – С. 114–121 (0,8 п. л.).

9. Лазарев, А.А. Италия как модификация «России святой Руси» в художественном творчестве и публицистике Бориса Зайцева / А.А. Лазарев // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 26–28 мая 2020 г.). – М., 2020. – С. 242–247 (0,6 п. л.).

10. Лазарев, А.А. Духовно-информационное расширение художественного пространства в творчестве Бориса Зайцева / А.А. Лазарев // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10–11. С. 258–263 (0,6 п. л.).

11. Лазарев, А.А. Паломнический экфрасис в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» / А.А. Лазарев // Культура в фокусе научных парадигм. – 2021. – № 12–13. – С. 252–257 (0,5 п. л.).

ЛАЗАРЕВ Алексей Александрович
ПАЛОМНИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ Б.К. ЗАЙЦЕВА
ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 23.12.21. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Научного издательства ВГСПУ «Перемена»
400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27